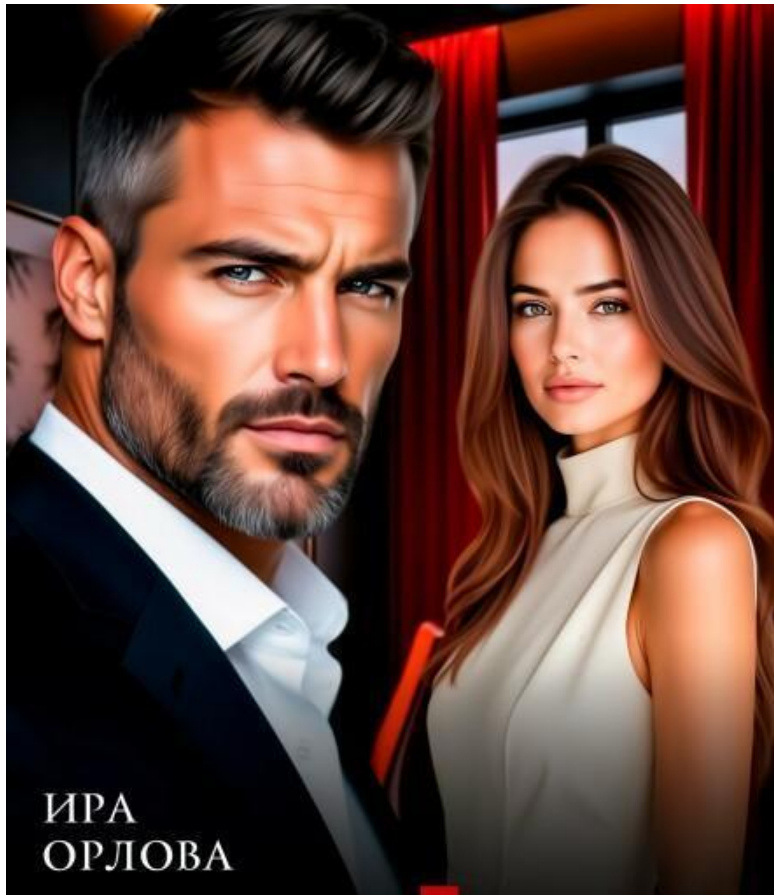




ИРА
ОРЛОВА

БЫВШИЙ МУЖ

ОШИБКА ПРОШЛОГО

Ира Орлова

БЫВШИЙ муж.

Ошибка прошлого

<https://litres.ru/74212894>

Аннотация

– Лара, это было один раз, – рычит муж, злясь. – Один. Ты серьёзно готова похоронить всё из-за одной ошибки?

– Да. Ошибкой был ты.

«Счастливая ты, Ларка. Муж — золото. Не пьёт, не бьёт, деньги домой носит. Держись за него.» – твердили они.

И я держалась.

Пока не узнала про его измену и не подала на развод. Мы официально расстались.

Но жизнь, упрямая стерва, решила столкнуть нас снова.

Теперь он смотрит на меня так, будто я ему что-то должна:

– Я всё ещё твой муж, слышишь? И мне плевать, что там в бумажках. Ты думаешь, я позволю какому-то типу крутиться рядом с тобой?

– Ошибаешься, Серёж, – отвечаю я. – Теперь это моя жизнь. И ревновать меня ты не имеешь никакого права.

Книга участвует в литмобе "Больше не вместе"

Содержание

- 1 -	4
Визуалы	10
- 2 -	11
- 3 -	15
- 4 -	26
- 5 -	32
- 6 -	39
- 7 -	45
- 8 -	53
- 9 -	57
- 10 -	63
- 11 -	69
- 12 -	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

– Счастливая ты, Ларка. Я вот тебе завидую.

Я щурюсь от солнца, отрывая взгляд от лениво колышущихся берёз за забором, и перевожу его на Люську. Она лежит на соседнем шезлонге, босая пятка болтается в воздухе.

– С чего это вдруг? – изумляюсь в ответ, усаживаясь поудобнее и поправляя полотенце под спиной.

– Да со всего, – Люська театрально вздыхает, закидывает руки за голову. – Муж у тебя — золото. Деньги зарабатывает, не пьёт, не орёт, не бьёт, не гуляет... ну, по крайней мере, как ты говоришь.

Она на секунду косится на меня, усмехается.

– И собой, между прочим, очень даже хорош. Я бы за такого без раздумий замуж побежала.

С террасы доносится запах жарящегося мяса. Сергей ворочает шампуры, насвистывает что-то себе под нос. Его силуэт мелькает в просвете между москитными сетками. Широкие плечи, темная футболка, волосы, чуть тронутые седinou на висках. И по венам прокатывается волна ревности.

– Ой, хватит, – отзываюсь сухо. – Идеальных людей не бывает. С чего ты его вообще туда записала?

– Ну да, ну да, – снисходительно тянет Люська. – Не бывает. Но тебе-то, Ларка, повезло. Тебе судьба улыбается. Всегда улыбалась, сколько я тебя помню. У тебя всё как-то... по

накатанной шло. Институт, замуж удачно, Серёжа этот твой перспективный... — она пальцем тычет в сторону мангала. — Квартиру купили, дача, машина, да и дочка у тебя, извини, конфетка. Красавица и умница. Не то что мои... — Люська осекается, спохватывается, и в глазах на секунду мелькает неприкрытая зависть.

Мы с ней не виделись почти десять лет. Она рванула «за лучшей жизнью» за бугор.

Вся такая гордая, с чемоданом и глазами, полными огня: «Я не собираюсь за копейки вкалывать, я себе нормальную жизнь сделаю, увидишь».

А потом были редкие сообщения из разных стран, фотографии в социальных сетях. Море, коктейли, какие-то мужчины с белозубыми улыбками. И вдруг — тишина.

Полгода, год.

И вот недавно она написала короткое сообщение: «Я вернулась. Можно к тебе на дачу на пару дней? Очень надо проветриться».

Теперь она лежит на моём шезлонге, пьёт мой прохладный компот и завидует.

— Да, конечно, — говорю я, поворачиваясь на бок. — По накатанной. Прямо с горки. Без ям. Без заносов. Ты меня с кем-то путаешь.

— Ой, не начинай, — отмахивается она. — Конечно, у всех свои трудности, туда-сюда. Но ты посмотри на картинку со стороны.

Она поднимается на локтях, ловит мой взгляд.

– Муж нормальный. Дом. Работу свою тихую любишь. Дочка без проблем, не беременная в шестнадцать, не наркоманка, не тикток-звезда с голой жопой. Ты не понимаешь, как тебе повезло, правда.

Я молчу, провожу пальцем по ребристому боку пластикового шезлонга.

– Всякое было, – наконец говорю. – И с Серёжей всякое. Чего его идеализировать?

– Так я и не идеализирую, – Люська тут же оживляется. – Я же помню, как вы начинали. Когда он ещё в этой своей компании только-только... Как её... «СеверТехСервис»?

– «СеверТехПром», – машинально поправляю.

– Вот, – щёлкает пальцами. – Тогда он вообще щенок был. Вахтами на севере пахал. Ты вся такая молоденькая, влюблённая, с пузиком уже, квартирka съёмная...

Я улыбаюсь краешком губ. Картинка поднимается из памяти такая чёткая, словно это было вчера. Дешёвый линолеум, обои с цветочками, его рабочая куртка, пахнувшая соляной, и наши ночи в обнимку на старом продавленном диване. Короткие, дорогие звонки мужа с вахты, с фоновой трескотнёй рации.

– Все тебе тогда говорили, – продолжает Люська, – что ненадолго это. Что вахты эти — могила для семей. Что там баб полно, что молоденький, горячий, сорвётся. А ты стояла на своём, помнишь? «Он у меня не такой, он у меня серьёз-

ный».

Она хмыкает.

– И ведь вынесла всё. И его вечные командировки, и эти его смены. Переждала, перетерпела. Молодец, короче. Не все так могут. Вот поэтому у тебя и есть сейчас, что есть.

Мне от её слов становится не по себе. Как будто кто-то пальцем ковыряет старый, вроде бы затянувшийся шов. Я перевожу взгляд на Сергея. Он ловко переворачивает шампуры, о чём-то говорит по телефону, зажатом между плечом и ухом. Ветер приносит обрывки фраз:

– ...да, успеем, я завтра гляну... ну ты там скинь мне отчёт... ага, ладно...

Вынесла всё.

Переждала.

Не сорвался.

Слова глухо отдаются где-то в груди. Тогда, в свои двадцать три, я ни о чём таком особо не думала, честно. Просто любила и верила.

Верила в нас, в него, в то, что всё будет, как в книжках: трудности, но вместе, а значит, преодолимо. Я же не выстраивала стратегию выживания, не считала себя героиней. Я просто жила.

– Лар, – Люська окликает меня. – Ты не обижайся, ладно? Я не к тому, что у тебя всё прямо безоблачно. Я просто... я ж вижу.

Она на секунду замолкает, глядя куда-то вдаль.

– Меня вот судьба... – она криво усмехается, – не очень любит, скажем так. Побила-помотала хорошенько. А тебя как будто хранит. И в детстве было так: тебе всё как-то сходилось. Умница, отличница, замуж удачно, ребёнок здоровый. Ну правда же?

Я отворачиваюсь, откуда-то изнутри поднимается раздражение.

– Ты сейчас к чему клонишь, Люся? – спрашиваю, не особо стараясь смягчить тон. – К тому, что мне нечего жаловаться? Что я тут сижу на даче и ещё смею говорить, что в жизни не всё просто?

– Да не к этому, Господи, – она закатывает глаза. – Я про то, что даже когда жопа, ты как-то из неё вылезаешь в белом. Вот даже с мужем. Сколько лет прошло, а вы всё равно вместе. Ты, можно сказать, испытание временем прошла.

Мне этот разговор категорически не нравится. Какая-то липкая тревога начинает расползаться по позвоночнику. Я поворачиваюсь к ней, сажусь, поджав ноги.

– Люся, – говорю прямо. – Давай без вот этого. Ты всё вокруг да около ходишь. Скажи уже, что ты хочешь сказать? Что-то в голосе у тебя... странное.

Она задерживает взгляд на моём лице, потом медленно опускает ресницы. Пальцы нервно теребят край полотенца. Ветер шевелит её выгоревшие волосы, где-то вдалеке лает собака.

– Я и говорю, – наконец произносит она, выдыхая. – Про

его вахты, про баб... Ты думаешь, я просто так вспомнила?

– К чему ты ведёшь? – окончательно теряю терпение.

Люся поднимает глаза. В них нет ни зависти, ни иронии, лишь только странная усталость и решимость, от которой мне становится холодно, несмотря на жару.

– Так я про его измену.

Визуалы

Лариса — женщина под сорок, ухоженная, но без показного глянца.

Сергей — за сорок, с крепкой фигурой. Широкие плечи, сильные руки, чуть выступающие вены. Тёмные волосы с лёгкой сединой на висках. Лицо жёсткое, скуластое, с упрямым подбородком. В целом он мужчина, от которого чувствуется сила, контроль и вспыльчивый характер под тонким слоем внешнего спокойствия.

– Про... что? – смотрю на Люську как на ненормальную. Будто она сейчас скажет: «ой, да шучу я, расслабься», – и всё встанет на место.

Но она этого не произносит.

– Про измену, – отчётливо повторяет она, вместо этого, будто я туговатая на ухо. – Ну... тогда ещё. На вахте.

Что за бред?!

– Ты... – я даже не сразу нахожу, за что ухватиться, на какую эмоцию опереться. Злость? Смех? Ужас? – Ты сейчас шутишь, что ли?

Потому что как ещё это можно объяснить?

Человек вваливается ко мне на дачу, ложится в мой шезлонг и между компотом и шашлыком сообщает: «кстати, твой муж тебе изменял».

Нормально вообще?

– Не шучу, – она отворачивается, прикрывает глаза и мерзко лыбится, как будто ей физически приятно произносить всё это вслух. – Был один эпизод. Яркий, но короткий. Почти девятнадцать лет назад, если точнее. Серёгина первая вахта, кажется.

«Эпизод». Как сериал какой-то.

Лёгкий, развлекательный, на один сезон. Я чувствую, как под кожей медленно поднимается горячая волна бешенства.

Вот так просто, одним словом, она сейчас перечёркивает столько лет нашего счастливого брака, любви, взаимоуважения...

У меня внутри всё обрывается. На секунду даже сердце пропускает удар.

Девятнадцать лет назад я ходила беременная Танюшей.

Считала дни до возвращения Сергея, рисовала в голове, как он придёт с вахты, я встречу его у подъезда, мы будем выбирать коляску, спорить из-за цвета стен в детской.

Я знала расписание его смен лучше, чем собственный цикл. Знала, когда у него ночные, когда он идёт в столовку, когда теоретически может успеть добежать до барака и набрать мне.

И вот сейчас мне предлагают поверить, что в это же самое время, когда я лежала на старом диване, прижав ладонь к пинающемуся животу и плакала от тоски, мой муж где-то там устроил «яркий, но короткий эпизод».

Удобное слово, кстати. И не скажешь измена. Слишком тяжело звучит.

Эпизод. Приступ слабости.

Меня от одной этой лёгкости тошнит.

– Люся, – выдыхаю медленно, на грани срыва. – Если это твой новый способ развлекаться, то он дерьмовый.

В груди всё дрожит, как натянутая струна. Я ещё усилием держусь за спокойный тон, но внутри уже чешется желание взять этот шезлонг и просто выбросить её вместе с ним за

забор.

– Да при чём тут развлекаться, – раздражённо бросает она, морщась, будто я ей порчу удовольствие. – Я же не сама придумала. Мне рассказали...

Конечно.

Классика жанра. Мне рассказали. Никто никогда не берёт на себя ответственность. Все просто передают эстафету гадости дальше. Из уст в уши, из кухни на кухню.

– Кто? – я почти рычу. – Кто тебе эти гадости рассказывал?

– Знакомая знакомых, – начинает она, и тут же спотыкается, видя мой взгляд. – Лар, не смотри так, ладно? Девчонка, которая тоже тогда с ним там работала. Не прямо в его смене, но... рядом. У них там своя коммуналка была, свои тусовки.

Знакомая знакомых. Идеальный источник правды. Вообще не подкопаешься.

Я поднимаюсь так резко, что шезлонг скрипит, полотенце соскальзывает с колен на плитку. Голова гудит, в висках стучит кровь.

– То есть, – медленно переспрашиваю, – ты пришла ко мне в дом, чтобы пересказывать слухи от знакомой знакомых двадцатилетней давности?

– Ой, не перевирай, не двадцатилетней, – автоматически огрызается Люська, как будто это вообще сейчас главное. – И не слухи. Она там была. Своими глазами видела, как он за

той девахой ухаживал. Как они... – она делает неприличные жесты руками, какие обычно делают, когда обсуждают чью-то постель. – Ну, ты понимаешь.

Феноменально. И эта девчонка почему-то делилась деталями интимной жизни Сергея не со мной, его женой, а со случайной Люськой. А та, конечно же, хранила благородное молчание почти двадцать лет, чтобы сейчас вывалить это мне под шашлык.

Перед глазами вспыхивает чёткая картинка, будто кто-то включил кино. Муж на вахте, чёрное небо без городских огней, снег, хрустящий под сапогами, коридор барака с облезлой краской.

И какая-то она. Без лица, только силуэт, обтянутый пуховиком. И он рядом. Смеётся? Обнимает? Наклоняется ближе?

Меня мутит уже не только от её слов, но и от себя. От того, как мозг цепляется за эту мерзость и пытается дорисовать детали. Как будто ей только этого и надо.

– Хватит, – выдыхаю, чувствуя, как во рту становится сухо. – Просто заткнись, Люся.

Она вскидывает голову, в глазах вспыхивает обида, как будто это её только что ударили.

– Да что ты так завелась-то? – в голосе появляется раздражение, почти вызов. – Я думала, ты в курсе. Честно. Что ты всё знала и решила закрыть глаза. Мужик-то у тебя нормальный, мало ли...

Я ошеломлённо смеюсь.

Дурдом. Просто цирк с конями. Получается, если мужик нормальный, деньги приносит, морду не бьёт и иногда цветы покупает, то все его косяки автоматически аннулируются.

Как в магазине по акции: «да, просрочено, зато скидка».

И жена в этой схеме кто?

Правильно. Та, которая должна знать, молчать и благодарно хлопать ресницами: «Спасибо, что посвятили меня в клуб обманутых, но терпеливых. Я буду держаться за своего призового жеребца и делать вид, что не чувствую запаха навоза».

Иначе всё. Иначе ты истеричка, дура, сама виновата, что «не смогла простить», «не смогла понять мужскую природу».

Будешь, значит, всю жизнь одна, с котом и сериалами, потому что настоящие мужики «все такие».

– Ты правда думаешь, – выдавливаю, чувствуя, как внутри всё холодеет, – что я девятнадцать лет знаю, что мой муж за моей спиной спал с другой, пока я нашу дочь вынашивала, и такая: «ну ладно, с кем не бывает»?

– Да многие так живут, – пожимает плечами Люся. Такое лёгкое, ленивое движение, будто мы про погоду говорим. – У них там половина бригады таких была. Жёны знают, но не рвут всё к чёрту из-за одного загула. Я думала, ты... ну... тоже не дурочка.

Слово «дурочка» больно бьёт по самолюбию. То есть умная — это та, которая проглотила и не подавилась, да?

Удобное определение. Мужчинам вообще, наверное, очень удобно жить в мире, где женская мудрость измеряется количеством стёртых с щёк слёз, без лишних скандалов.

— То есть, — медленно говорю, — по твоей логике, нормальная женщина — это та, которая живёт с изменщиком и улыбается. А ненормальная — это та, которая даже знать об этом не должна, да? Ей лучше в розовых очках.

— Да не раздувай, — морщится Люська. — Я не хотела тебе зла, Лар. Я была уверена, что ты в теме. Честно. Я бы не молчала столько лет, если б думала, что ты в полной... иллюзии.

— Ага, — я усмехаюсь, чувствуя, как внутри вновь поднимается злость. — То есть ты действительно молчала столько лет.

Она отводит взгляд.

— Ну... да, — нехотя признаётся. — А что я должна была делать? Сама подумай, как бы ты отреагировала, если бы я пришла к тебе со словами: «Привет, Ларка, ты там не расстраивайся, но твой мужик на вахте бабу крутил»? Ты бы первая послала меня.

— А сейчас ты что делаешь? — я делаю шаг ближе, упирая руки в бока и нависая над ней. — Сейчас чем это отличается?

Людмила смотрит на меня снизу вверх, глаза узкие, губы сжаты. Взгляд цепкий, обиженный и какой-то злобно-усталый одновременно.

– Сейчас... – она делает паузу, будто подбирает формулировку, чтобы прозвучать благороднее. – Сейчас столько лет прошло. Он так на тебя смотрит, будто вы не полжизни вместе, всё у вас хорошо, и меня это... поразило. Что вот кобель, – губы кривятся, – его отмыли, простили, и с ним счастливы. Что ты так смогла и стала счастливой. У тебя всё... идеально. И я подумала...

– Что? – перебиваю, даже не пытаюсь быть мягче. – Тебе самой хреново, и ты решила: «а дай-ка я ещё одной всё испорчу»? Это называется, Люся, зависть. Ты обливаешь грязью моего мужа, как змея ядом брызгаешь, не потому что за меня переживаешь, а потому что у самой всё плохо.

Она дёргается, будто я ударила.

– Ты сволочь, Лар, – тихо говорит. – Думаешь, мне легко это говорить? Думаешь, мне приятно видеть твоё лицо сейчас?

– А мне приятно слышать, как ты всякую фигню про моего мужа сочиняешь? – парирую. Чувствую, как голос становится жёстким, почти незнакомым. – Который, между прочим, сейчас жарит нам шашлыки и думает, что ко мне пришла моя старая подружка, которую я рада видеть и которая рада за меня.

С террасы доносится бодрый, абсолютно ничем не отягощённый голос Серёжи:

– Девочки, ещё минут десять, и будет готово!

Я физически чувствую, как меня выворачивает. Внутри

всё переворачивается. Голос мужа, вполне обычный бытовой и рядом я, которой только что сообщили, что девятнадцать лет назад он, возможно, ухитрился быть одновременно и там, и тут. В моей голове, в моих воспоминаниях – святой кормилец. В её – кобель и обманщик.

Меня трясёт от злости и от того, что эта реальность никак не хочет сложиться в одну картинку.

Люська криво усмехается.

– Ну да, жарит, – протягивает. – Хороший же. Работящий. И в постели, говорят, не подкачал. Та девка... как её... блин, забыла имя... – она щёлкает пальцами. – Короче, рассказывала, что у него агрегат — ух! Все бабы ей завидовали. Ну и тебе...

В этот момент у меня просто темнеет в глазах. Она не просто лезет грязными ботинками в мой брак, она ещё и смакует это вслух, сравнивает, жуёт подробности. «Агрегат», «ух», «бабы завидовали» – будто мы сидим не на моей даче, а в какой-то дешёвой курилке.

– Хватит, – повторяю я, понижая голос до опасного шёпота. – Я сейчас серьёзно. Ещё одно слово – и я тебя за волосы отсюда выведу.

И я не преувеличиваю. На секунду пальцы реально зудят от желания выполнить обещание.

– А ты что, правда веришь, что он святой? – в голосе Люськи появляется издёвка, наглая, липкая. – Лар, он мужик. Молодой, на севере, баба рядом, жена далеко, гормо-

ны... Это не то, чтобы прям преступление вселенского масштаба. Один раз сорвался, и всё. Остался с тобой, ребёнка растил, дом строил.

Её логика выбешивает ещё больше, чем сама история. Измена – это, оказывается, как чихнул: ну случилось, ну подумаешь. Главное – потом дом строил, деньги носил.

– Ты была там? – спрашиваю, глядя прямо в упор. – Ты видела? Своими глазами? Свечку, может, держала?

Она медлит. Эта пауза длится чуть дольше, чем могла бы, и меня от неё пробирает до зубовного скрежета.

– Нет, – признаётся наконец. – Я тогда уже собиралась валить, только по телефону с ней трещали. Но она такая была... не похожа на вруню. Да и... у них там всем всё видно было. Кто с кем. Не спрячешь.

– То есть всё, что у тебя есть, – это слова какой-то бабы, которую я в глаза не видела, – подытоживаю. – И на основании этого ты сейчас приходишь ко мне и заявляешь, что мой муж мне изменял. Супер, Люся. Очень по-дружески.

– Я думала, ты всё знала, – упрямо повторяет она, как заевшая пластинка. – И просто... решила не махать шашкой. Ну а чего? Мужик хороший, дом есть. У меня вот был урод, который и изменял, и бил, и денег не приносил. А твой хоть... – она осекается, понимая, что сглупила.

Я вскидываю брови, чувствую, как внутри леденеет.

– А мой «хоть» что? – спрашиваю мягко, слишком мягко. Это «мягко» обычно бывает только перед бурей. – Хоть за-

рабатывал, да? Значит, ему можно всё остальное простить? По твоей логике, если муж приносит домой деньги, то жена должна улыбаться, даже если он по бабам бегаёт.

– Я не так сказала! – вспыхивает она, как спичка. – Не передёргивай! Я... я просто... Чёрт! – она резко вскакивает, шлёпает босыми ступнями по плитке туда-сюда, как загнанный зверёк, отходит на пару шагов, потом возвращается. – Я сама во всём увязла, ладно? Меня мой так по жизни прокатил, что до сих пор тошнит. И да, когда я на тебя смотрела, меня бесило, что у кого-то получилось. Хоть как-то. Хоть с косяками, но всё равно лучше.

Вот оно. Признание, завернутое в обиженную интонацию. Не спасает, не оправдывает, но хотя бы честно.

Меня ещё больше коробит от этого «получилось хоть как-то». Будто моя жизнь – это проект, который можно оценить галочкой: «да, удачнее, чем у Люси».

Она делает паузу и смотрит мне прямо в глаза.

– Но это не отменяет того, что твой Серёжа, скорее всего, один раз от тебя всё-таки... ушёл в сторону. На той чёртовой вахте.

Мне хочется засмеяться ей в лицо. Крикнуть: ««Скорее всего»? Серьёзно? Это твои доказательства? «Скорее всего» от какой-то бабёнки, которая хотела похвастаться, что перепихнулась с моим мужем девятнадцать лет назад?»

«Скорее всего» – это уровень прогноза погоды, а не приговора для брака.

Но смех застревает в горле.

Потому что в памяти всплывают мелочи, о которых я никогда не думала.

Один-единственный раз, когда он пропал на сутки и потом отшутился про «минус сорок и вышку отрубило».

Его странное молчание, когда я плакала по телефону: «Мне страшно, я тут одна».

Его редкое, сухое: «Лар, ну не накручивай. Я занят».

Я ненавижу себя за то, что вообще позволяю этим воспоминаниям сейчас всплывать.

– Нет, – выдавливаю наконец. – Не верю.

И в этот момент я говорю это не столько ей, сколько самой себе. Потому что если я начну верить во всё, что она сейчас сюда притащила, мне придётся пересматривать не только его, но и всю свою жизнь. А я не уверена, что выдержу.

– Это твоё право, – пожимает плечами Люська. В её голосе усталость, но мне слышится только упрёк. – Можешь считать меня змеёй. Можешь меня выгнать. Только, Лар... – она криво улыбается, и от этой улыбки мороз по коже. – Не я с ним спала. И не я замуж за него вышла.

У меня в голове стучит одно: выгнать.

Выгнать её из дома. Сейчас же. Чтобы её голос больше не осквернял воздух вокруг меня. Чтобы никакие «скорее всего» не просачивались в нашу счастливую семью.

– Знаешь что, – говорю тихо, на удивление спокойно, хотя внутри всё орёт. – Собирайся, Люся. Тебе действительно

нужно проветриться. Проваливай обратно. В ту дыру, из которой ты вывалилась.

Она вскидывает подбородок, глаза сразу становятся холодными, колючими.

– А, вот как, – протягивает, губы кривятся в знакомой издевательской усмешке. – То есть пока я тихо завидую, я тебе подружка. А как только говорю то, что тебе не нравится, – я змея, да?

– Ты пришла в мой дом, – прерываю ее. – И вывалила на стол грязь, в которой сама до конца не уверена. Тебе плохо – я понимаю. Правда. Но это не даёт тебе права лезть в мою жизнь с чужими сплетнями.

– Сплетни, говоришь... – хмыкает Люся. – Ну-ну. Посмотрим, будешь ли ты называть это сплетнями, когда начнёшь задавать Серёже вопросы.

Я отшвыриваю полотенце в шезлонг, почти с ненавистью, просто чтобы занять руки, чтобы не схватить её за плечи и не встряхнуть до хруста в шее.

– Я не буду задавать ему никаких вопросов, – чеканю, разделяя слова. – Потому что я не собираюсь ставить под сомнение его верность и любовь из-за рассказа какой-то безымянной девицы, которую ты даже толком вспомнить не можешь. Это твой стиль, Люсь. Рушить всё до основания не разобравшись. У меня другой.

Я слышу себя со стороны и понимаю, что уже не просто защищаю мужа, я защищаю ту себя, которая много лет назад

его выбрала.

Если признать, что он тогда был таким, как она описывает, мне придётся признать, что я была слепой душой. А я не готова сейчас отдавать ей право так со мной обращаться.

Она смотрит на меня с такой ненавистью, что воздух между нами будто густеет.

В глазах бывший подружки появляются слёзы. Ей больно, обидно от моих слов, я это вижу. Но мне тоже больно, и я уже бью в ответ, не щадя. Потому что если сейчас начну её жалеть, то она снова залезет туда, куда не имеет права.

– Ладно, – выдыхает она, чуть хрипло. – Ладно, Ларочка. Живи в своём уютном пузыре. Только не удивляйся, когда он лопнет.

С террасы снова доносится голос Серёжи:

– Лара! Людмила! Вы там не уснули? Стол накрывайте уже!

Голос мужа режет по нервам. Он даже не подозревает, что тут случилось за последние двадцать минут.

Мы с Люськой смотрим друг на друга.

– Ты ещё здесь? – спрашиваю я тихо.

Она вскидывает голову повыше. Привычный жест женщины, которая привыкла идти в атаку, даже когда уже проиграла.

– Нет, – отвечает. – Уже ухожу.

Она бросает это так, будто мне назло, мол, сама ухожу, не догонишь, не удержишь. Но правда в том, что выгоняю её я.

И впервые за все годы мне не просто не жалко, меня от воспоминаний о тех проводах на вокзал воротит.

Тогда я думала, что расстанусь с подругой. Сейчас же, что захлопываю дверь перед чужой, мелочной бабой, которая явилась в мой дом не греться, а плевать кислотой в моё лицо и в мою семью. И эту дверь я закрываю намертво.

Приглашаю вас в новинку нашего моба!

Бывший муж. Я жду от тебя ребенка

Лета Джуринская , Оксана Барских

– Усманов женат и разводиться не планирует. Было у вас разок, это ничего не значит, так что не глупи. Где ты еще такую работу найдешь?

 Вздрагиваю, когда слышу фамилию мужа. Опускаю руку на ручку кабинки в уборной, но не опускаю ее вниз. Замираю, как вкопанная, и вслушиваюсь в разговор, который сбивает меня с толку.

 Усманов. Не то чтобы редкая фамилия в наших краях, но в этой компании таких всего трое. Мой муж. Его младший брат. Их отец. Вот только женатых всего двое...

 – Разок? – фыркает одна из сотрудниц. Та, что помоложе. – Мы с ним уже месяц встречаемся. И не в гостинице какой, а на квартире.

 – Служебной, что ли? Так половина сотрудниц там побывало, на матрасе вмятин не сосчитать.

 Сглатываю, ощущая головокружение. Неужели свекор изменяет своей жене? Гоню мысли о предательстве мужа куда подальше. Он и повода ведь не дает. Все выходные дома, в командировки не ездит, телефон не прячет.

 – Не

ты первая, не ты последняя. Он бросается на всё, что движется, – слышу снова.

 – Ты мне просто завидуешь. А то, что женат, ничего страшного. Раз гуляет, значит, она жаба фригидная.

 Дыхание перехватывает, когда я слышу знакомое имя. До боли родное. Оно принадлежит моему мужу.

 Вскоре уборная пустеет, и я на ватных ногах выхожу из кабинки. Умываю лицо холодной водой и встряхиваю головой.

 Чушь. Всё это не может быть правдой. А услышанный разговор наверняка касался кого-то другого. Вот только когда я все-таки иду к мужу в кабинет и, не застав секретаршу на рабочем месте, тяну дверь на себя, цепенею. Слышу до боли знакомый голос мужа.

 – Ты на таблетках? Защита закончилась.

<https://litnet.com/shrt/iWy0>

За Людмилой громко хлопает калитка. Звук гулко отдаётся в груди.

Я стою, как вкопанная. Мне физически плохо от Люськиных слов.

Гравий под ногами хрустит. Ко мне идёт Серёжа.

Высокий, широкий, как дверной проём. Тёмная футболка натянута на груди и плечах так, что ткань чуть тянется по рельефу. Спортивные шорты до колена открывают загорелые мужские ноги.

Походка у него тяжёлая, уверенная.

Лицо жёсткое, резкое, с мощной челюстью и короткой щетиной с серебром на подбородке и вдоль скул. Высокие скулы, прямой нос, между бровей привычная вертикальная морщина.

Волосы коротко стрижены, тёмные, с заметной сединой на висках, не старящей, а наоборот придающей ему тот самый взрослый, хищный вид. Глаза яркие, светлые, почти ледяные. Смотрят цепко, оценивающе.

Женщины и правда всегда оборачивались на него. Сначала цеплялись взглядом за плечи, за лицо, за эту хищную мужскую породу, а потом уже скользили глазами ко мне. Смотрели с лёгкой завистью, вперемешку с любопытством: кому такой достался. Про таких, как он, говорят просто: по-

родистый мужик.

Серёжа подходит ближе, чуть щурится от солнца, интуитивно, как зверь, действительно чувствует, что что-то не так.

И от этой его приземлённой мужской силы становится только сложнее дышать. Потому что именно этот мужчина сейчас одновременно и опора, и главная загадка, от которой у меня по коже бегут мурашки.

– Куда это твою Людку унесло? – хмурится он. – И что это у вас с лицами было, как у двух кошек в одном мешке? Какая там между вами пробежала?

Хочется махнуть рукой, отшуточиться, сказать что-нибудь вроде «ерунда». Вернуться в свой тихий и привычный мир.

Но вместо этого с языка слетает.

– Серёж... – слышу себя как будто со стороны. – Ты мне изменял?

Муж каменеет. На секунду реально замирает. Потом резко дёргает плечом, отводит взгляд к мангалу и усмехается коротко, без веселья:

– О-о, понятно, – хмыкает недовольно. – Любимые бабские сплетни подъехали.

Сергей на меня смотрит уже по-другому, не нежно, не мягко, а напряженно. В серых глазах плещется раздражение.

– Нет, Лар, – отрезает он жёстко. – Не изменял.

Сказал, как рубанул. Никаких оправданий. Развернулся и пошёл обратно к мангал.

А на душе у меня кошки скребут.

Я медленно иду за ним по дорожке. Смотрю на его широкую, не раз скрывающую меня от всех невзгод, спину. На то, как он привычно наклоняется, подбрасывает дрова, шевелит угли.

Не изменял. Вот и успокойся, женщина.

Я же помню те годы... вернее, думаю, что помню. Но столько времени прошло, что детали смазались. Где там был тот месяц? Та вахта?

Тот единственный день, когда он не вышел на связь? Всё перемешалось между беременностью, токсикозом, страхом перед родами и бесконечными списками покупок.

Чем дальше я пытаюсь заглянуть назад, тем больше понимаю, что картина в голове не документальный фильм, а монтаж. Мои чувства, мои домыслы, мои обрывки фраз. А фактами в этой истории сейчас торгует Люська, основанными на «скорее всего» и «она не похожа на врунью».

На секунду мелькает соблазн махнуть рукой. Сказать себе: ну и что, даже если было что-то? Столько лет уже прошло. Есть дом, есть дочь, есть он, вот он, родной, любимый, рядом, жарит чёртov шашлык.

Не копать. Не лезть. Не ломать.

Закреть дверь с надписью «вахта» и никогда ее не открывать.

Но тут же поднимается другая мысль.

Не замечать – не значит, что не было.

Если я сейчас сделаю вид, что ничего не услышала, – это будет моя осознанная слепота. Не та, что от доверия, а та, что от страха. И от этого тошно ещё сильнее.

– Эй, – Серёжа вдруг поворачивается ко мне. Я даже вздрагиваю, не сразу понимаю, что он уже снял часть шампуров и положил на тарелку. – Ты чего там в облаках летаешь?

Он подходит ближе, запах дыма и жареного мяса обволакивает, смешивается с его кожей, с его дезодорантом, до боли родным. За талию меня обнимает крепко.

– Иди сюда, – хмурится, подтягивая ближе. – Ну-ка, что там в твоей голове творится? Вон глаза стеклянные.

Я поднимаю на него взгляд. Мои любимые серые глаза. Столько лет я была уверена, что умею по этим глазам читать все его мысли и эмоции. Что, если он когда-нибудь соврёт, я это увижу. Мы же не чужие, муж и жена, больше двадцати лет вместе.

Не изменял.

Смотрю и пытаюсь понять: может ли он сейчас врать? Он вообще умеет?

Раньше мне казалось — нет.

Он мог замолчать, уйти в себя, отгородиться, но не лгать в лоб. А теперь, из-за слов одной озлобленной бабы, я вдруг думаю: а если умеет? А если научился? А если я просто никогда не задавала правильных вопросов?

– Лар, – он чуть встряхивает меня, возвращая к нему. – Ты чего? Я же вижу, тебя там переклинило. Это всё Людка

тебе наплела, да?

Я сглатываю, язык словно прилип к нёбу. Вариантов ответа два: либо снова задать тот же вопрос, либо кивнуть и отшутиться.

— Она... — выдыхаю. — Она сказала, что слышала какие-то истории. Про твою первую вахту. Что у тебя там был роман. Что она лично знала эту девушку...

Слова застревают в горле, я чуть не давлюсь ими. Ему в лицо это произнести сложно.

Серёжа закатывает глаза.

— Господи, — выдыхает. — Девятнадцать лет прошло, а бабам всё не живётся спокойно.

Он убирает руку с моей талии, опирается ладонями о край стола, смотрит в сторону участка, не на меня.

— Лар, — произносит глухо, — если ты хочешь верить Людке и какой-то там её тёлке с севера — верь. Я тебе всё сказал. Я тебе не изменял. Точка. Всё остальное их больные фантазии.

Он снова поворачивается, берёт меня за подбородок пальцами, чуть поднимает лицо.

— И теперь вопрос, — припечатывает жестко. — Ты мне веришь или нет?

В нашем мобе пополнение!

Бывший муж. Жестокий урок любви

Мария Владыкина

Муж не просто говорил, а почти кричал, склонившись надо мной.

- Хочешь знать?! Хочешь? Ну так слушай. Да, она мне нравится. И да, я представлял, как я её... И в поездку записался не случайно. Что, легче стало?! Легче? Детектив хренов.

Конец нашей семьи начался с одного предложения.

ОНА МНЕ НРАВИТСЯ. И это мой муж сказал про учительницу нашего сына. Ту, с кем он тоже решил пару раз в неделю заниматься английским.

 Он бросил мне правду, как подачку. Я приняла своё поражение.

 Ещё не зная, что через год после развода он будет умолять меня вернуться.

<https://litnet.com/shrt/yTsn>

Вот он, тот самый момент, ради которого Люська, кажется, и тащила сюда всю эту дрянь.

Минута проверки не его, а меня. Моей веры, моей памяти, выдержат ли они этот удар.

Я стою перед выбором, и оба варианта одинаково отвратительны.

Если скажу «да, верю», значит, как будто признаю, что её слова для меня пустой звук. Что можно вот так, выслушать историю про «роман на вахте», пожать плечами и стереть её из памяти. Но разве это так?

Они уже сидят во мне, как занозы. Вроде и не смертельно, но стоит задеть, как бьёт током. Я уже никогда не смогу сделать вид, что не слышала. В этом и мерзость ситуации. Мне навязали знание, которое нельзя развидеть.

Если скажу «нет» – это обидеть его.

И не один раз, а снова и снова, каждый раз, когда он будет смотреть на меня вот так, прямым тяжёлым взглядом, и в этом взгляде будет вопрос: ты на чьей стороне, Лара? На моей или на стороне чужих злых языков? Сказать «нет», значит признаться, что один рассказ со стороны перевесил годы, прожитые с ним.

Что мне легче поверить в худшее, произошедшее тогда, чем в хорошее сейчас. И эта мысль о себе самой мне тоже

неприятна.

Выходит, что куда ни повернись, везде предательство. Или его, или себя.

Либо я предаю ту девчонку, которая в него верила, либо нынешнюю женщину, которая имеет право знать, кому она доверяет жизнь.

– Я... – шепчу, чувствуя, как пересыхает горло. – Я хочу тебе верить.

Сергей морщится, будто я плюнула ему в душу.

– Это не ответ, Лара, – отрезает сухо. – «Хочу» и «верю» – это две большие разницы.

И я понимаю, что он прав.

«Хочу верить» – это приговор нашей семье.

Это значит, что я уже сомневаюсь в нём. Одной рукой тянусь к нему, а другой держусь за свои страхи, подозрения, за слова змеи, которые не получается выбросить из головы. Это не вера.

Внутри всё сжимается в маленький тугой клубок.

Это какой-то ад.

Ад не в том, что он может быть когда-то изменил. А в том, что одна фраза из чужого рта разделила мою жизнь на «до» и «после».

В «до» я даже не сомневалась. В «после» я вынуждена выбирать, во что верить: в него или в то, что где-то, когда-то я была не единственной.

– Я верю, – говорю наконец. Слова выходят хрипло. – Ве-

рю тебе.

Серёжа ещё секунду смотрит, будто проверяет, не вру ли я. Потом кивает, отпускает мой подбородок и снова притягивает меня к себе, прижимая к груди.

– Так бы сразу, – бурчит, утыкаясь носом мне в макушку. – Дура ты, Лара. Не слушай ты этих любительниц чужих разборок. Пусть своей жизнью займётся.

Я обнимаю его в ответ по инерции. Щекой упираюсь в тёплую футболку, чувствую под кожей его сердце. Оно бьётся ровно. И моё тоже пытается подстроиться под этот ритм, успокоиться.

Только в голове по-прежнему пульсирует одно и то же, что он сказал, что не изменял... а я всё равно думаю об этом.

И от этого действительно становится страшно. Потому что, возможно, настоящий ад – это не когда тебе изменили. А когда ты уже никогда не узнаешь наверняка.

Все выходные мы проводим вместе.

Сергей почти не отходит от меня. То зовёт гулять, то тащит в магазин, то лежит на моих коленях на качелях, пока я читаю. Но... всё равно всё как-то иначе. Неуловимо, на уровне интонаций, взгляда, касания руки.

Даже близость в этот другая. Не такая, как обычно.

Сергей будто старается доставить мне как можно больше удовольствия, ловит каждое движение, более нежен и внимателен. Ласки более откровенные, поцелуи более развязные.

И это... бесит.

Я лежу после, уткнувшись в его плечо, и вместо того чтобы раствориться в привычном тепле, считаю удары собственного сердца и злюсь. На кого?

На него, за то, что теперь каждое прикосновение кажется оправданием. На Люську, за то, что влетела в нашу жизнь с грязными сплетнями. Но больше всего на себя.

Вот и молодец, Ларочка.

Одним вопросом «ты мне изменял?» ты сама себе испортила постель, в которой двадцать лет было всё прекрасно. Теперь каждое люблю звучит как защита, каждый поцелуй, как попытка доказать невиновность.

Я уговариваю себя: хватит.

Никогда прежде муж не давал мне повода для ревности. Не задерживался без объяснений, не ловился на переписках, не выныривали из ниоткуда его подруги детства.

Всё его личное пространство до смешного прозрачно. Телефон вечно валяется где попало, ноутбук открыт.

Нечего его подозревать!

К вечеру воскресенья я даже почти убеждаю себя, что разговор с Людкой – это всего лишь сбой в системе, вирус, который иммунитет брака скоро вытеснит.

Я твердо решила, что вернёмся домой и точка. Будем жить дальше. Забуду все, как страшный сон.

Всю дорогу в город Сергей ведет машину, одной рукой держась за руль, другой чуть касается моей коленки. Играет наш старый плейлист.

Вот видишь? – шепчет внутренний голос. – Муж как муж. Твой муж. Хватит уже подозревать.

Но когда мы заходим в квартиру и Сергей уходит в душ, что-то внутри меня ломается.

Стою посреди комнаты, среди пакетиков с дачной зеленью, и вдруг очень ясно понимаю: забыть не получится.

Не потому что я не хочу, а потому что это как нарыв. Можно бесконечно прикладывать компрессы, пить обезболивающее, но пока не вскрыешь, то будет ныть.

Не замечать – не значит, что не было.

И я понимаю, что меня больше пугает не то, что муж мог изменять, а то, что я могу прожить ещё двадцать лет, делая вид, что вопроса не существует.

И, пока из ванной шумит вода, я открываю шкаф в прихожей. Тот самый, где кладбище старых вещей. Папок, альбомов, каких-то блокнотов, чеков десятилетней давности, инструкций от давно умершей бытовой техники.

Когда-то, до того, как новые технологии просочились в нашу жизнь основательно, я всё записывала. Телефоны, адреса, какие-то заметки. В том числе и контакты жён ребят, с которыми работал Сергей. Мы даже созванивались пару раз, жаловались друг другу на одиночество.

Я давно забыла их имена, но хорошо помнила, что одна жена Серёжкиного коллеги тоже работала там. И если кто-то и мог знать, что тогда творилось на самом деле, то только она. Уж точно не Люськина знакомая знакомых.

Торопливо вытаскиваю с полки старые блокноты. Пыль лезет в нос, я чихаю, ругаюсь.

Искать здесь номер, почти как вернуться в прошлое.

Где-то в середине второго блокнота взгляд цепляется за фамилию одного из Серёжиных коллег. Рядом номер.

– Лар! – доносится из ванной голос мужа. – Принеси полотенце!

Спешно прижимаю блокнот к груди, как школьница дневник.

– Сейчас принесу!

Я позвоню этой женщине. Узнаю правду. И только после этого смогу сказать себе честно, верю я Сергею... или просто боюсь правды.

БЫВШИЙ МУЖ. Я к тебе не вернусь

Анна Гранина, Яна Мосар

– Присоединяйся, Катюш, – говорит мой муж, когда я спускаюсь по лестнице в гостиную.

 Он довольный и расслабленный сидит в своем любимом кресле в объятиях женщин.

 – Будет весело... — довольно хмыкает.

 Мне казалось, что я была счастлива в браке, до одной роковой ночи. После нее все перевернулось. Брак полетел к чертям, мужа как подменили.

 Я долго требовала развод, а когда получила, уехала далеко, чтобы начать все сначала.

 Но спустя время я вновь встречаюсь с моим бывшим мужем. Настойчивый и уверенный, что сможет вернуть меня.

 Только теперь я работаю на его

конкурента. А Астахов не дает мне прохода, пытаюсь сломать и подставить врага моими руками.

 Но я не сдамся, чего бы мне это не стоило! Чудовищам нет места в моей жизни!

<https://litnet.com/shrt/TFZb>

Если бы Олеся сменила номер.

Если бы уехала в другой город, как многие тогда, и рас-
творилась где-то на просторах нашей страны.

Если бы тот старый блокнот потерялся, а номер размазало
от старости...

История, возможно, так и не получила бы своего продол-
жения.

Но номер оказался живучим, как сорняк. И вот я сижу в
кофейне в центре города, смотрю на дверь и ловлю себя на
том, что ладони мокрые от волнения.

Кофейня маленькая, модная. Белые стены, много дерева,
огромные окна в пол, за которыми течёт городская жизнь.

В динамиках тихо бормочет какая-то английская грусть.
Мой столик у окна.

Я проверяю телефон в десятый раз. Никаких новых сооб-
щений. Только короткое: «Буду в четыре.» — которое Олеся
прислала утром.

Дверь открывается, звонит колокольчик и сердце у меня
подпрыгивает к горлу. Входит парень в худе, потом женщина
с ноутбуком, потом какая-то девочка с ярко-розовыми воло-
сами. Не она.

«Могу ещё уйти,» — мелькает мысль.

Просто встать, рассчитаться и вернуться домой. Сделать

вид, что встречи не было. Что телефон не дозвонился. Что номер устарел. Всё что угодно.

Но я не встаю.

Когда дверь открывается в следующий раз, я сразу понимаю — это она. Даже если бы не знала в лицо, догадалась бы по тому, как она входит. Немного настороженно, с выпрямленной спиной, осматривая помещение быстрым, цепким взглядом.

Олеся сильно изменилась с тех времён, когда мы обменивались редкими звонками. Волосы, раньше светлые и до плеч, теперь тёмные, собранные в тугой хвост.

Под глазами тонкие морщинки, губы сжаты в прямую линию. На ней простая чёрная футболка и джинсы, а поверх накинута кожаная куртка.

Не девочка, но и не вязкая уставшая тётка. Женщина, которая многое видела и точно не верит в сказки.

Наши взгляды встречаются. Она чуть прищуривается, примеряет меня к воспоминаниям:

– Лариса?

– Да, – поднимаюсь и криво улыбаюсь. – Олеся?

Мы обнимаемся чисто формально. Между нами ужасная неловкость.

– Давно не виделись, – говорит она, усаживаясь напротив.
– Очень давно.

– Давно, – соглашаюсь коротко.

Подходит официантка, Олеся заказывает себе чёрный ко-

фе без сахара и мы пару минут говорим ни о чём. Как добралась, как тебе погода, не душно ли.

Обычные фразы, которыми люди заговаривают тишину перед тем, как перейти к тому, ради чего собрались.

— Я, если честно, не совсем поняла, — Олеся обхватывает ладонями стакан с кофе. — Зачем ты мне звонила. Мужья-то наши уже давным-давно не вместе работают. Да и... — она отводит взгляд к окну, — я со своим уже... как бы... тоже не при делах.

— В смысле? — спрашиваю чисто автоматически. Информационно. Не это я пришла узнавать.

Она фыркает, криво усмехается:

— В прямом. Развелась я с ним. А чего удивительного? Кобель и пьяница он был. Как выпьет, так по бабам. Сначала стыдно, терпишь, придумываешь оправдания. А потом надоедает. Вот и ушла. Долго собиралась, но ушла.

Я машинально киваю. Внутри что-то неприятно ёкает. Кобель и пьяница он был. А когда-то она, как и я, звонила на вахту, считала дни между сменами, надеялась.

— Я... — сглатываю. Вот он, тот самый неловкий момент, ради которого я и вытащила её из её новой жизни в свою. — Собственно, поэтому я и позвонила.

— Из-за моего бывшего? — приподнимает бровь. — Надеюсь, он тебе денег не должен. Я свои претензии к нему закрыла.

— Нет, — выдыхаю. — Из-за моего. Из-за Серёжи.

И становится жарко. В кофейне, где только что было прохладно от кондиционера, воздух будто наполняется паром.

– До меня дошли... – начинаю и запинаюсь. – Ну... скажем так... слухи. Очень старые. Мне неловко об этом говорить. Стыдно даже, если честно.

Олеся наклоняет голову, рассматривая меня внимательно.

– Слухи? – пересказывает она. – Про твоего Сергея?

Я киваю.

– Про ту вахту, – уточняю. – Самую первую. Когда... – мне приходится сделать вдох, – когда я была беременна.

Внутри шевелится надежда. Маленькая, жалкая, но такая яростная, что хочется за неё вцепиться зубами. Вдруг Олеся скажет, что это ерунда, что ничего не было, что эта «подружка Люськи» всё выдумала для красного словца. Вдруг всё окажется смешной ошибкой, перепутанными именами, чужой историей.

Олеся смотрит прямо, не отводя глаз.

– И какие именно слухи? – уточняет она осторожно.

Ладони у меня вспотели так, что я почти не чувствую кружку.

– Что... – язык будто слипся. – Что у моего Серёжи... там... был...

– Роман? – спокойно договаривает за меня Олеся, даже не моргнув.

Это её «роман» для меня гремит как выстрел. Она произ-

носит слово легко, буднично, как будто не ломает этим мою жизнь.

Олеся делает глоток кофе, медленно ставит стакан на блюдце. И в этот момент я всё ещё успеваю думать: сейчас она рассмеётся.

Скажет: «да брось, бред это всё». Отмахнётся от меня. Сплетни это, хрен пойми что.

Но уголок её губ поднимается в невеселой улыбке.

И ещё до того, как она успевает добавить хоть одно слово, я уже чувствую, как все мои хрупкие надежды, которые я так старательно строила последние дни, разлетаются вдребезги.

БЫВШИЙ муж. Мы справились без тебя

Екатерина Янова

— Значит, Есения, отец твоей дочери — звезда из телевизора? — слышу за спиной до боли знакомый голос.

Разворачиваюсь и сталкиваюсь нос к носу с бывшим мужем.

Михаилом Звёздным.

— Оригинально, черт возьми, — рычит он.

Моргаю пару раз, надеясь, что это дурной сон. Но нет. Бывший муж не исчезает. Наоборот, он смотрит на меня с гневным прищуром. Почти как в нашу с ним последнюю встречу, когда я застала его в постели с другой, а он заявил, что наш брак оказался ошибкой.

Я собрала вещи под ненавидящим взглядом свекрови и ушла, напоследок услышав от нее, как она счастлива, что такая дворняжка, как я, больше не будет

мешать по жизни ее сыну, а мое место займет достойная во всех отношениях девушка, с которой он будет счастлив.

О том, что ношу под сердцем их плоть и кровь, я никому сообщать не стала. Развели нас быстро, и больше я Звёздного не видела.

А теперь, спустя пять лет, он стоит передо мной, смотрит требовательно и прибавляет меня следующим вопросом:

— Есения, сколько лет твоей дочери?

<https://litnet.com/shrt/SZ4y>

– То есть... был? – выдыхаю я, едва шевеля губами. – Реально был?

Голос звучит чужим. В ушах шумит, как в самолёте при посадке.

Олеся какое-то время молчит, вода пальцем по краю чашки. Взгляд уходит куда-то за моё плечо, сквозь окно, сквозь людей, как будто она уже не в этой кофейне, не со мной, а уже мысленно совсем в другом месте.

– Слушай, – наконец произносит она. – А тебе оно точно надо?

– В смысле? – не понимаю.

– В прямом, – она смотрит на меня уже с вызовом. – Столько лет прошло. Вы жили, ребёнка растили, дом, дача... Оно тебе реально надо, вытаскивать сейчас всю эту помойку?

Меня подбрасывает.

– Мне надо, – отрезаю. – Мне надо знать, что с моей жизнью было. С кем я жила все эти годы, понимаешь?

Олеся хмыкает, но не спорит.

– Ты... – голос у меня срывается. – Ты давно знала?

Она вздыхает, откидывается на спинку стула.

– Лар, ну не делай такое лицо, – морщится. – Да, знала. Не с первого дня, конечно. Но знала.

Меня будто ледяной водой обливают.

Все знали.

Кто-то на вахте, кто-то из жён, кто-то ещё. А я... Я тем временем гладила его футболки, трусы стирала и верила...

– И ты... молчала, – выдавливаю еле слышно.

– А что я должна была? – вскидывается она. – Я тебе кто? Лучшая подруга, с которой не один пуд соли съели? Мы тогда пару раз созванивались, вот и всё. У меня самой тогда жизнь веселая была. Не до твоих как-то проблем было.

– Ты могла сказать, – не сдаюсь я. – Просто... сказать. Один раз. За всё это время.

– Могла, – спокойно кивает. – Но не сказала.

Я смотрю на неё, и во мне растёт какая-то чёрная, тягучая ярость. На неё, на него, на всех, кто знал и молчал, как будто речь шла не обо мне, а о каком-то сериале, который они тихо обсудили и переключили канал.

– Почему? – шепчу. – Олеся, ну почему?

Она долго молчит, разглядывая свои пальцы. Потом говорит:

– Потому что я обещала.

– Кому? – меня реально трясёт. – Ему?!

– Своему, – поправляет она. – Мужу. Но через него и тебе, да. У нас там всё, сама понимаешь, как на ладони было. Он мне тогда прямо сказал: «Не вздумай жене его трепать. Пусть сам разбирается. А я не полезу в чужую семью».

Она криво усмехается.

– А я тогда дура была помоложе. Верила, что если баба в семью лезет – это она змея. Вот и не полезла.

Я облокачиваюсь на стол локтями, прячу лицо в ладонях.

– То есть вы все там... – выжимаю из себя с трудом, – всё про него знали. А я одна...

– Ты была далеко, – пожимает Олеся плечами. – У тебя там живот, конфетки, консультации. Мы – там. Два разных мира.

– Расскажи. Всё, что знаешь.

– Лара... – Олеся морщится, явно не горит желанием. – Тебе точно это надо? Ты же потом не развидишь.

– Я уже не развижу, – перебиваю. – С того момента, как Люська рот открыла. Говори.

Она смотрит на меня пристально, словно взвешивает – выдержу или не выдержу. Потом решает, что уже поздно играть в гуманность, и отводит взгляд в сторону окна.

– Ну... давай по порядку, – говорит со вздохом. – Первая вахта. Твой тогда все уши прожужжал про тебя. Что молодую, красивую оставил, беременную. Поначалу вёл себя как примерный мужик. Фотку твою всем показывал, гордился.

– А потом?

– А потом... – Олеся пожимает плечами. – Потом начался обычный север. Холод, тьма, смены, мужики, которые через две недели начинают сходить с ума. Появилась у вас там одна... – она задумчиво щурится, вспоминая. – Светка, кажется. Или Светка – это другая... чёрт, неважно. Молодая, сим-

патичная, одна, без детей. Сначала они просто в компании зависали. У нас же там всё вместе: столовка, комнаты отдыха, общие пьянки по выходным.

Я сжимаю зубы так, что челюсть начинает ныть.

– И что? – поторапливаю. – Они... просто «зависали»?

– Слушай, – раздражённо бросает Олеся. – Ну ты ж взрослая женщина, а не девочка в розовых очках. Там по-другому не бывает. Сначала они вместе курить стали ходить. Потом одна смена он ей помогает, другая она ему отрабатывать приходит. Потом раз, и кто-то видел, что они из одной комнаты ночью выходили.

Мир вокруг меня сужается до её лица и стука моего сердца в ушах.

– Сколько это длилось? – спрашиваю хрипло.

– Месяц, – после паузы отвечает Олеся. – Может, чуть меньше. Я не календарь. У меня тогда свои тараканы маршировали.

– И все... – слова рвутся наружу, – все на вахте это знали?

– Да не то чтобы прямо все, – кривится она. – Но народ у нас рот не держит. Кто-то видел, кто-то догадался. У меня муж тогда тоже пару раз заикнулся. Типа: «этот твой Серёга, котрым ты мне вечно тыкаешь, он прикинь, жену беременную дома оставил, а сам местную за задницу щупает». Я его осадил, мол, меньше надо в чужие трусы заглядывать, когда у самого морда измазана. Но откуда бы он взял это?

Меня накрывает волной тошноты. Я не знаю, что делать с

руками, куда девать глаза.

Они обсуждали меня там как байку: вот, мол, лошица, дома сидит, носки стирает и с пузом таскается.

– Почему ты мне тогда не сказала? – упрямо спрашиваю снова.

Олеся раздражённо дёргает плечом.

– Да потому что, Лар. Я тогда сама верила, что это «один раз», «первый и последний», «ну что с него взять, мужик, выпили». Мужики там так жопу себе морозили, что мне казалось, что если мозгами не поехал уже хорошо. А ты там, в своём мире, с пузом, с обоями, с колясками. И мы потом приехали, а у вас фото везде семейные, вы счастливые, лялька у вас родилась. Я и подумала: ну окей, он сам разрулил, сам решил, что ему надо.

Она вздыхает.

– И да, – добавляет, – я не хотела быть той самой змеёй, которая в чужой дом приносит это говно. Вы бы помирились, зажили дальше, а в итоге виноватой осталась бы я. Типа, без меня всё было хорошо.

Какая-то часть меня понимает эту логику. Большая часть, хочет швырнуть ей в лицо эту чашку.

– Значит, ты решила за меня, – шепчу. – Что мне лучше не знать.

– Не надо делать из меня демона, – устало отзывается Олеся. – Я сама тогда по уши в своём болоте была. Своего ловила по бабам, сопли наматывала. Свою семью не смогла спасти,

а ты хочешь, чтобы я за твою отвечала.

Она смотрит на меня тяжело, без злости, но и без нежности.

– А он... – мне кажется, что если я сейчас не спрошу, потом не смогу вообще говорить, – он что? Как он к ней относился?

– Никак, – фыркает она. – Это тебе не кино. Не было там великой любви. Было холодно, скучно и много свободного времени. Она клеилась, он не особо сопротивлялся. Не могу сказать, что он прямо бегал за ней с розами. Но и не виделось, что его туда силком затаскивают. Обычная северная история.

– И как... – я сглатываю, – как это закончилось?

– Как обычно, – пожимает плечами Олеся. – Закончилась вахта. Она потом ещё какое-то время билась головой об стенку, ревела, что он обещал её забрать, жену бросить... – она машет рукой. – Я не знаю, говорил ли он ей это на самом деле или она себе придумала. Сказки «я тебя из этого ада увезу» у нас там многие рассказывают. Но факт: он уехал к тебе. И всё.

Уехал ко мне. Встретила его на вокзале с дурацкой надписью на шарике «добро пожаловать домой».

Я в тот день думала, что от счастья лопну...

Смотрю на Олесю и вдруг очень отчётливо понимаю, что мужа я вообще не знала. Я знала его версию для дома. Усталый, молчаливый, честный, «не такой, как другие».

Версию для работы я никогда не видела. Того, который мог спокойно жить двумя параллельными жизнями. Жена там, баба тут, обещания где-то между сменами.

– Лара, – Олеся наклоняется ближе, в её голосе впервые звучит что-то похожее на сочувствие. – Это было давно. Очень. Он вернулся к тебе. Он с тобой живёт столько лет. Это не роман, который тянется, это... – она ищет слово, – эпизод. Паршивый, грязный. Но эпизод.

– Для него, – выдыхаю. – Для него – эпизод. А для меня – это дырка в жизни на два месяца, про которую мне забыли сообщить.

Она отводит взгляд.

– Я потому и отговаривала, – тихо говорит. – Потому что знала, что ты после этого уже не сможешь смотреть на него, как раньше.

Она поднимает глаза.

– Но ты позвонила. Ты дошла до меня. Ты сейчас задаёшь вопросы. Значит, где-то внутри ты уже готова была услышать не «бред, забудь», а вот это вот.

Я смотрю на свои руки. На кольцо, которое носила столько лет, даже не думая, что муж мне изменял. А может и сейчас изменяет. И сколько ещё было этих баб за эти годы?.

– Спасибо, – говорю глухо. – За честность.

Олеся фыркает.

– Не благодари, – отмахивается. – Я невеликая благодетельница. Просто надоело быть кладбищем чужих секретов.

Твой хоть один из немногих мужиков, которые потом действительно домой возвращались. И ты для него, как ни крути, не пустое место.

Она откидывается на спинку стула, допивает кофе одним глотком.

– А дальше... – пожимает плечами. – Дальше ты сама. Я свою часть отстреляла.

Я киваю. Внутри пусто и гулко.

Оказывается, можно почти двадцать лет прожить с человеком, быть уверенной, что знаешь его до последней морщинки...

А потом, за один разговор в кофейне, понять, что целый кусок его жизни был спрятан от тебя. И возможно не один...

Домой я шла с неохотой.

На город уже начали опускаться сумерки, фонари зажигались один за другим, витрины блестели, люди торопились по домам. Я шла кругами, делая вид, что просто гуляю, но на самом деле обходила наш дом стороной.

Слова Олеси не просто застряли в голове – они разошлись по венам.

Как будто мне выдали справку: «да, вы официально были дурой».

Когда наконец подхожу к подъезду, уже поздно. В окнах нашей квартиры горит свет. От одной этой мысли становится тяжело дышать.

Там – мой дом. Моя жизнь. Мой муж, Мой муж, который... как минимум однажды делил постель не только со мной.

Хочется развернуться и уйти. Но ноги сами поднимают по ступенькам.

В прихожей пахнет ужином.

Из комнаты Тани доносится смех и обрывки фраз:

– ...да нет, он вообще так посмотрел, ты бы видела!.. – потом слышится сдавленный смех дочери.

Снимаю обувь, иду на кухню и остановившись в дверях, прислоняюсь плечом к косяку.

Серёжа стоит у раковины, спиной ко мне. Тёмная футболка, спортивные штаны, босые ступни на плитке. Руки по локоть в мыльной воде. Широкая спина, сильная шея, короткая стрижка. Мой любимый мужчина...

Я так долго смотрела на него с любовью, что сейчас, вглядываясь, ловлю себя на идиотской мысли: будто ищу на нём клеймо. Как на ворованной вещи, где-то же должна быть отметка, что был в чужих руках.

– Ты чего там застряла? – не оборачиваясь кидает он через плечо. – Где была так долго?

От его обычного, спокойного тона горло сводит судорогой. Молчу.

Сергей опускает тарелку в раковину, вытирает руки о полотенце и наконец оборачивается.

Наши взгляды сталкиваются.

В его глазах сначала мелькает привычное: «устала, что ли», а потом всё меняется. Чуть хмурится, взгляд цепко сканирует мое лицо.

– Ну? – он наклоняет голову чуть в бок. – И что опять случилось?

Вопрос простой, тон ровный, но между нами уже натягивается что-то невидимое, как струна.

– Я всё знаю, – говорю тихо.

Муж не двигается. Только глаза чуть сужаются.

– Про что именно? – деловито уточняет Сергей сухим тоном.

– Про вахту, – пожимаю плечами, хотя внутри всё дрожит.
– Про Свету. Или как там её звали. Про твои похождения.

На слове «твой» у него дёргаются желваки на скулах.

– И кто же просветил? – спрашивает зло, облачаясь
бедром о стол. Руки складывает на груди, мышцы на пред-
плечьях напрягаются под кожей. Выглядит так, будто гото-
вится обороняться.

– Олеся.

Никаких слёз, никаких «как ты мог». Просто факт, от ко-
торого в висках стучит.

Сергей медленно выдыхает. Проводит ладонью по лицу,
задерживает пальцы на переносице. Я знаю этот жест. Так он
делает, когда пытается совладать со своими эмоциями.

– Ну молодец, – бросает хрипло. – Сходила, в дерьме по-
ковырялась. Легче стало?

В его голосе и злость, и какая-то усталость, от которой
щемит под рёбрами.

– Нет, – отвечаю честно. – Не стало.

Его взгляд на секунду цепляется за мой, и между нами
будто вспыхивает что-то очень знакомое – та самая химия,
благодаря которой мы когда-то вообще оказались в одной по-
стели и в одной жизни. Только раньше она притягивала, а
сейчас – жжёт.

Пару секунд мы просто смотрим друг на друга. Вода тон-
кой струйкой продолжает стекать в раковину, набегая на та-
релки. В комнате Таня снова смеётся кому-то в телефоне. У

нас на кухне – глухая, вязкая тишина.

Он сжимает пальцы в кулак, словно сдерживается, чтобы не подойти ближе, не схватить меня за плечи.

– И чего ты хочешь сейчас? – спрашивает наконец, без обиняков. В этом весь Сергей: никакой лирики, сразу к сути.

БЫВШИЙ МУЖ. По осколкам твоей лжи

Ирина Корепанова

- Ты мне изменял на протяжении многих лет, с моей сестрой. Более того, она родила от тебя ребенка. Ребенка, которого вы скинули на меня. Очень удобно!

 - Ну, вот такая я сволочь. Придется тебе смириться. – Спокойно отвечает муж. - Я ведь смирился с тем, что ты не можешь подарить мне детей. Сам позаботился об этом. Аньке дочь не нужна, она и возражать не будет, если мы ее удочерим.

 - Я не буду врать. Если ты думаешь, что я проглочу обиду, и закрою глаза на твою измену, ты глубоко ошибаешься. Я подаю на развод.

 - Не смей меня, Поля. Развод? Серьезно? Решила поиграть в гордычку?!- Усмехается Никита. - Хорошо, я тебе позволю. Даже можешь переехать на время, но сама потом приползешь. Простишь. Проглотишь, и будешь воспитывать мою дочь, как свою.

 На юбилее мужа, я узнала о том, что он изменяет с моей же сестрой, которая родила ему дочь. Он не стал оправдываться, извиняться и говорить, что сожалеет. Напротив, он хочет, чтобы я приняла ее, и воспитала как родную.

<https://litnet.com/shrt/enNP>

– Я хочу знать правду, – произношу ровно и четко. – А не жить в неведении с человеком, который мне двадцать лет врал. И сейчас стоит и делает вид, что ничего не было.

Сергей коротко усмехается и качает головой, будто я говорю какую-то глупость.

– Повторяю ещё раз, – произносит с упором. – Я тебе не изменял.

Меня переклинивает.

– Не изменял? – не верю собственным ушам. – Ты серьёзно сейчас? После всего, что я слышала? После того, что там знали все?..

Он отталкивается от стола и делает шаг ко мне. Расстояние между нами сокращается, я буквально чувствую его раздражение физически.

– «Все» – это кто? – спрашивает муж, глядя сверху вниз. – Пьяные мужики и бабы, которым скучно? Они мало чего там знали. Они языком чесали.

Интонация негромкая, но жёсткая. На виске бьётся жила.

– Ты правда думаешь, – продолжает, не отводя взгляда, – что кто-то там сидел и вёл хронику моей личной жизни? Большая часть в город на выходные сваливала, ко вторым семьям, а остальные со своими же по углам зажимались. Им

было когда за мной следить?

– Олеся сказала... – начинаю, чувствуя, как пересыхает во рту.

– Олеся, – грубо перебивает Сергей. – Тётка, у которой собственный муж по бабам шлялся, пока она по сайтам знакомств шарилась. Она, конечно, очень достоверный источник.

Тон буквально сочится презрением, но я вижу, как ее бомбит. Значит, попало точно в цель.

– Она назвала имя, – говорю уже ровнее, хотя внутри всю трясёт. – Рассказала, как это было. В какие смены, какие выходные. Знаешь, что самое мерзкое? Всё сходится. Даже тот день, когда ты... пропал на сутки, а потом рассказывал мне сказки про минус сорок и выключенную вышку.

Блефую, но...

Муж молчит. В глазах у него плещется злость. Но не бешенство, а какая-то холодная, управляемая.

– Скажи мне прямо, Серёж, – делаю шаг навстречу сама. – Было это или нет.

Мы стоим почти вплотную. Он смотрит сверху вниз, не отворачиваясь.

– Было.

Просто так. Без оправданий, без «но».

Мир на секунду наклоняется.

– Один раз? – спрашиваю тихо.

Он безрадостно усмехается.

– Хочешь счётчик поставить? – бросает нагло. – Палец хватит?

От его слов в животе будто что-то рвётся. И одновременно между нами искрит так, что кожу обжигает.

– Боже... – выдыхаю, на секунду прикрывая глаза, потому что картинка плывёт.

– Лар, – произносит Сергей вкрадчиво, – не накручивай себе лишнего. Там не было половины того, что ты сейчас рисуешь. Пара пьяных ночей между сменами, в конуре размером с кладовку. Ни романа, ни роз, ни «я тебя увезу, жену брошу». По трезвому она мне не упёрлась даже как собутыльник.

Он замолкает, потом, не отводя взгляда, добавляет:

– Это была моя дурь. Моя ошибка. Самый стыдный, грязный кусок моей молодости. Я за него расплатился. Каждый раз, когда домой возвращался и смотрел тебе в глаза. Когда Таню на руках держал. Я себя за это дерьмо сожрал куда больше, чем ты сейчас можешь.

– А я за него чем расплатилась? – спрашиваю с горькой усмешкой. – Тем, что двадцать лет считала тебя верным. Любящим.

– Я и есть такой, – припечатывает муж. – Уже много лет. И если бы не бабьи языки, мы бы спокойно дальше жили, как жили.

Я сухо усмехаюсь:

– Как благородно. Ты берёг, значит, все эти годы нежную

психику жены, да?

– Да, мать его, – срывается он, резко. – Именно. Потому что я, может, и вёл себя как кобель, – коротко щурится, – но это было до того, как я понял, что могу всё потерять. Я выбрал тебя. Нас. И ту ошибку закопал так глубоко, как только мог.

Воздух густой, как перед грозой.

– Я не хочу жить без тебя, – произносит муж уже спокойнее. – Вот и весь расклад.

От его близости к горлу подкатывает тошнота и одновременно предательское желание уткнуться в плечо, как раньше. Я силой держу себя на месте.

– А я, – слова вырываются из меня с трудом, – не хочу жить с человеком, которого больше не знаю.

Фраза висит между нами, как приговор.

Сергей какое-то время молчит. Смотрит долго. Потом выпрямляется, становится выше, шире, как будто вырастает в два раза больше.

– Не смейся, – припечатывает недовольно. – Ты меня знаешь лучше всех на этом свете. И именно поэтому стоишь тут и не орёшь, а разговариваешь нормально.

– Я с тобой разговариваю, Серёж, чтобы сказать, что не буду больше так. Я не буду жить рядом и делать вид, что ничего не было.

Я чувствую, как по спине бегут мурашки от страха, от решимости, от того, что слова уже не заберёшь обратно.

– И куда ты это собралась, Лара? – тон тихий, почти ласковый, от чего становится только холоднее.

– Куда угодно, – произношу уверенно. – Лишь бы подальше от твоей лжи. Что мешало тебе ещё где-нибудь ошибиться за эти годы, а потом так же благополучно об этом забыть?

У него на лице меняется выражение.

– Лара, это было один раз, – рычит, сдержанно, но так, что кожа мурашками покрывается. – Один. Ты серьёзно готова похоронить всё из-за одной моей ошибки?

– Да. Ошибкой был ты. А я все годы просто ходила с закрытыми глазами и не видела всего уродства.

– Не отпущу, – произносит Сергей чётко и упрямо. – Хочешь – злись. Хочешь – презирай. Спи в другой комнате, бей посуду, жги мои вещи на балконе. Но я тебя не отпущу.

Смотрит на меня тяжелым взглядом, давая понять, что не шутит и добавляет:

– Я свою жизнь из-за чужих пересудов рушить не собираюсь. Что бы там тебе ни нашептали.

Из комнаты Тани доносится:

– Мам, а что у нас на ужин?

Я смотрю на этого мужчину напротив. На своего мужа. На того, кто одновременно и моя боль, и моя опора. В груди что-то сжимается до маленького, чёрного комка.

– Посмотрим, – говорю холодно.

Разворачиваюсь и выхожу из кухни, чувствуя на затылке его разгневанный взгляд.

Бывший муж. Я всё ещё помню

Таня Поляк

- Рабочая штука? – спрашиваю у Дениса, кивая на пояс.
 - Ты никогда не жаловалась, - усмехается он.
 - Не смешно, Бессонов.
 Подхожу к нему и, глядя в его глаза, достаю из чехла на поясе электрошокер.
 - Я одолжу? – спрашиваю с милой улыбкой.
 - Пользоваться хоть умеешь?
 - На себе дашь попробовать?
 - Да без проблем.
 Денис поднимает футболку, обнажая плоский живот с кубиками пресса и дорожкой волос, уходящей за пояс (ох, как я сходила по ней с ума раньше).
 Так, соберись, Бессонова! Такой шанс тебе дают.
 С милой улыбкой, нажимаю на красную кнопку. Треск такой неприятный. Передёргивает даже. Но я действую. Не думаю. Касаюсь электродами кожи. Денис даже не дёргается.
 - Бьёшь, значит, любишь, - говорит, подмигивая, на что я фыркаю.
 - Я пошла. У меня важное дело. Надеюсь, не увидимся больше.
 - Не надейся, - летит мне в спину.

<https://litnet.com/shrt/b--C>

В спальню я захожу полная решимости.

Вроде всё как прежде. Тот же ковёр, тот же комод, кровать, на которой мы спали полжизни. Только я смотрю на всё теперь иначе, будто на чужой номер в гостинице.

Открываю шкаф, дёргаю дверцу резче, чем надо. Плечики звякают. Беру его рубашки, футболки, складываю на кровать. Руки дрожат, приходится прикусывать губу, чтобы не выругаться вслух.

За спиной слышу шаги. Сергей, конечно, не остался на кухне.

Он встаёт в дверях, опирается плечом о косяк, складывает руки на груди. Скользит по мне темным, недовольным взглядом.

– Ларис, – предостерегает меня . – Это эмоции. Потом пожалеешь.

Я молча беру с полки его джинсы, кидаю к футболкам. Носки сметаю кучей, вообще не разбирая. Ищу взглядом во что это всё положить. Разворачиваюсь к комоду.

Сергей уже догадался что именно мне нужно и сам вытаскивает из-под кровати свою дорожную сумку.

– Успокойся, – продолжает, протягивая ее мне. – Мы нормально поговорим. Времени у нас много, никто нас никуда не гонит. Пошли ужинать.

– Ешь сам, – отрезаю, даже не глядя на него.

Дергаю молнию, сумка раскрывается. Я начинаю запихивать вещи внутрь. Методично, немного рваными движениями, но в целом достаточно аккуратно, чтобы самой от себя не тошнило.

– Лар, – он делает шаг ближе ко мне, – я серьёзно. Ты сейчас просто злая. Утром проснёшься и будет совсем другая картинка.

– Картинка, Серёж, – отвечаю резко, – изменилась девятнадцать лет назад. Мы просто сейчас к ней подтянулись.

В этот момент дверь в спальню открывается шире, и в проёме появляется Таня. В руке телефон, а на лице легкое замешательство.

– Предки, мы есть будем? – она окидывает нас взглядом. – И что у вас... – замирает, видя сумку и ворох отцовских вещей на кровати. – Ого. А это у нас что за выселение?

Секунду я колеблюсь. Можно сказать «ничего», «папа на дачу переезжает», «выйди и не лезь». Но линии уже пересечены.

– Папа мне изменял, – выдаю спокойно. – И мы с ним разводимся.

В комнате наступает тишина такая, будто звук выключили.

Таня часто моргает. Смотрит на меня, на отца, снова на сумку.

– Чего? – спрашивает наконец. – Мам, это шутка такая,

да?

Сергей резко разворачивается ко мне.

– Обалдеть, Лариса, – выдыхает зло. – Ты совсем, что ли? При ребёнке вот это вот, сейчас?

– Она не ребёнок, – отрезаю. – Она имеет право знать, что происходит.

– Она имеет право не слышать, как её мать на эмоциях разносит семью к чёртовой матери, – бросает разгневано Сергей. – Ты сейчас не просто мне мстишь, ты её под раздачу подставляешь.

– Я не... – начинается Таня, голос у неё ломается. Она нервно поправляет хвост, потом, наоборот, распускает волосы. – Подождите. Пап, ты... правда изменял?

– Тань, – он пытается смягчить тон, – это было сто лет назад. До тебя, грубо говоря. Мы...

– Было, – перебиваю. – И он мне об этом врал. Всё это время.

Таня прикусывает губу, смотрит на Сергея, как будто впервые видит.

– Класс, – произносит она глухо. – Просто супер. Спасибо, что выбрали вечер честности именно сегодня...

– Так, – Сергей рывком пододвигает к себе сумку. – Всё. Лара, хватит цирка при ребёнке. Хочешь меня выгнать, поговорим вдвоём.

– Я не хочу говорить вдвоём, – не соглашаюсь с ним. – Я решила. Я не буду жить с человеком, который меня предал.

– Ты сейчас всё закапываешь, – он повышает голос. – Понимаешь? Не только меня. Всё. Дом, нормальную жизнь, вот её тоже, – кивает на Таню. – И путь назад будет сложный, если вообще он будет.

– Думать об этом нужно было девятнадцать лет назад, – выдаю флегматично. – До того, как спал с другой бабой и врал мне в глаза. А может и не с одной, а может и год назад. Я теперь уже во всё поверю, Серёж..

Муж сжимает зубы. Потом резко наклоняется к кровати, начинает сам сгребать свои вещи в сумку. Рубашки летят, сворачиваясь в комки, джинсы, ремень. Ткань сумки под его рукой трещит.

Таня делает шаг вперёд, предлагает осторожно:

– Может... вы... ну... поговорите нормально? – она переводит взгляд с меня на него и обратно. – Ну вы же взрослые люди. Можно не кипятиться, а... я не знаю... психолог, терапия, развод – это же... это крайняя мера, да?

– Крайняя и вполне адекватная в данной ситуации, – киваю.

– Таня, выйди, – цедит сквозь зубы Сергей.

– Нет, – отвечает она упрямо. – Это вы с мамой тут двадцать лет вдвоём жили. А теперь, извините, это и моя жизнь тоже.

Губы у неё дрожат, но голос держит.

Сумка наполовину полная. Он вдруг прекращает швырять вещи, замирает, глубоко выдыхает. Подходит к Тане, берёт

её за плечи.

– Слушай, – говорит мягче, – сейчас мама злится. Сильно. Имеет право. Я не спорю. Но если я сейчас уйду, – он переводит взгляд на меня, – всё. Назад дороги не будет. Потому что я себя знаю. Я не тот, кто ходит туда-сюда, как в магазин.

Он снова смотрит дочери в глаза:

– Я люблю твою мать, слышишь? – говорит жёстко. – Очень. Но если она сейчас решит, что я мусор, который надо вынести, я уйду. И назад не приду.

Отходит от Тани, делает шаг ко мне. Останавливается настолько близко, что я чувствую его сбивчивое дыхание.

– Лар, – тихо, уже только для меня, но Таня всё равно слышит. – Я тебя люблю. Подумай головой, а не обидой. Если я сейчас выйду из этой комнаты с этой сумкой... Ты уверена, что этого хочешь?

Он наклоняется чуть ниже, проводит невесомо пальцами по моей щеке. Смотрит, словно в самую душу.

– Ты правда хочешь всё разрушить? Именно сейчас? Из-за того, что всплыло дерьмо, которому двадцать лет?

Глаза у него злые и честные одновременно, и от этого, кажется, сложнее всего.

Таня стоит в дверях, прижав телефон к груди, как щит. На её лице смесь растерянности, паники и злости.

– Мам, – шепчет с мольбой. – ну скажи что-нибудь уже. Не молчи так.

Горло сжимает. Стою между двух огней. Одна моя фраза

сейчас и всё действительно пойдёт по другому сценарию.

Сергей не отводит взгляда. Пальцы на моей щеке горячие, знакомые до боли.

И в этот момент я впервые по-настоящему понимаю, насколько тонко держалась наша жизнь... На моём «верю» и на его молчании.

БЫВШИЙ муж и его новая семья

Ева Стоун

— Ты этого не знаешь, но я родила от тебя сына, — объявляет бывшая жена моего мужа. — Он вместе с бабушкой прилетит завтра, — волнуясь и переминаясь с ноги на ногу, говорит она. — Прости, я не планировала вываливать это на тебя вот так, без подготовки. Но поскольку твоя жена на всю улицу орет, что у вас с ней детей не будет, ты заслуживаешь знать, что у тебя уже растет замечательный сын. От меня. Добрый мальчик, спортсмен, говорит на трех языках и очень ждет, когда я вас познакомлю...

 Я застала мужа с его бывшей женой и сразу же потребовала развода.

 Он не отчаялся, ведь оказалось, что у него есть новая, полноценная семья. Желанная женщина и сын.

 Я ушла от мужа с гордо поднятой головой, совершенно не подозревая, что скоро рожу предателю двух дочерей.

<https://litnet.com/shrt/OIfL>

Сергей молчит ещё пару секунд. Потом резко отпускает мои плечи.

– Ладно, – бросает. – Решила так. Окей.

Он наклоняется, дёргает молнию сумки до конца, рывком закрывает её, поднимает. Плечо под тканью напрягается, челюсть сведена.

– Пап... – шепчет Таня, но он только хмуро кивает ей, даже не пытаясь улыбнуться.

– Не переживай, – говорит коротко. – Я никуда из города не деваюсь. Если что на связи.

Проходит мимо нас, почти касаясь меня краем плеча. От его тепла меня передёргивает. Через секунду слышу тяжёлые шаги по коридору, скрип вешалки, щелчок замка.

Кто-то из нас ещё мог бы что-то сказать. Я – «остановись». Он – «подумай». Но никто не говорит.

Входная дверь хлопает так громко, что дрожат зеркала в шкафу. Я почти физически ощущаю, как этот звук обрывает нашу привычную жизнь.

Тишина после хлопка такая, что в ушах звенит.

Таня первой подаёт голос. Она садится на край кровати, суматошно засовывает волосы за уши, хотя они тут же падают обратно.

– Класс, – шепчет. – Просто... охрененно.

Я опускаюсь рядом, но не слишком близко. Не знаю, потянется она ко мне или отодвинется.

– Тань... – начинаю, но она вскидывает руку.

– Не сейчас, ладно? – говорит. Глаза блестят, но она упрямо не моргает. – Я... я пытаюсь понять, что вообще произошло.

Несколько секунд мы просто сидим и слушаем, как в квартире слишком громко тикают часы.

– Ты знала давно? – вдруг спрашивает она. – Или это вот прям сегодня стало известно?

– Сегодня, – отвечаю честно. – Точнее... – вздыхаю. – Несколько дней назад Люська мне сказала. Я не поверила. Потом встретилась с Олесей. И...

– И всё, – заканчивает за меня Таня. – И понеслась.

Она стискивает в руках телефон, пальцы белеют.

– Мам, – она поворачивается ко мне, в голосе раздражение, страх и отчаяние вперемешку. – А нельзя было... я не знаю... сначала с ним нормально поговорить? Без этих «собирай вещи» и «я с тобой развожусь» при мне?

Я сглатываю.

– Мы разговаривали, – отвечаю тихо. – До этого. На даче. Я спрашивала. Он врал. В глаза.

Таня морщится.

– Может, он боялся, – бросает в волнении. – Что ты вот так и сделаешь. И, как бы... не ошибся.

Сказано жёстко, но я понимаю, откуда это.

– Танечка, – я осторожно тянусь, кладу руку ей на колено, она не отстраняется, уже хорошо. – Я не отказываю тебе в праве любить папу. И не говорю, что он во всём плохой. Он... – голос дрожит, – он классный отец. И был мне... очень близким человеком.

– Был, – повторяет она, словно проверяя это слово на вкус.
– А теперь?

– Теперь он мужчина, который меня предал, – произношу спокойно. – И двадцать лет делал вид, что ничего не было.

Она прикрывает глаза, проводит ладонью по лицу.

– Мам, – шепчет. – У нас... у меня было всё нормально. Понимаешь? Полная семья. Не как у половины класса – «мама и отчим», «мама и её новый мужчина», «папа по выходным». Я правда радовалась, что у меня вы оба. Что мы... ну... нормальные.

У меня внутри всё сжимается.

– Я знаю, – говорю. – Я тоже радовалась.

– Мы же... – она нервно улыбается, но губы дрожат, – реально классно жили. Ну, с поправкой на то, что вы иногда ругались из-за ерунды и ты могла орать, что мы тебе по дому не помогаем. Но вы-то... вместе. Мы ездили вместе отдыхать, помнишь? Турция, вот эта дурацкая анимация... папа, который залез на детскую водную горку со мной из-за того что я одна боялась ехать, застрял там... и потом ещё неделю хромал...

Я невольно улыбаюсь через слёзы.

– Помню.

– И на Новый год, – продолжает она, будто цепляется за эти картинки, – вы вдвоём готовили, спорили из-а того, куда елку лучше поставить. Папа шутил, что ее всё равно скоро выкидывать, а ты тут все по фэншую расставляешь...

Она замирает, смотрит на меня.

– Для меня он идеальный был, понимаешь? Вот прям... образец. Что мужик должен быть вот такой. Что если папа мой есть, значит, и нормальные мужья существуют.

Сердце у меня болит почти физически.

– Таня...

– И теперь, – перебивает, голос срывается, – я сижу и думаю: а что из этого было не по-настоящему? Это всё враньё? Вот эти поездки, шутки, ваша любовь? Ты же сама всегда говорила, что у вас крепкая семья.

Слёзы выступают на глазах, она моргает, но одну всё-таки не успевает поймать, она скатывается по щеке.

– Я не говорила, что он идеальный, – напоминаю. – Я говорила, что он... наш. Любимый.

– Наш кобель, да? – зло усмехается она и тут же всхлипывает. – Прости, но... у меня в голове сейчас всё ломается.

Я подтягиваю её ближе, и в этот раз она не сопротивляется. Утыкается носом мне в плечо. Я глажу её по волосам, и в какой-то момент не выдерживаю. У самой льются слёзы.

– Я не хотела разрушать твой мир, – шепчу сдавленно. – Честно. Но он разрушился не сегодня. Он разрушился тогда,

когда он сделал то, что сделал.

– Но ты же... – она отстраняется, глаза у неё красные, – ты же могла... не узнавать. Не копать. Ну да, тётя Люда ляпнула, ну да, там кто-то шепнул. Можно было... ну не знаю... сказать: «прошло и прошло».

Говорит то, что я сама себе шептала все эти дни.

– Можно было, – признаю. – И очень большая часть меня хотела так сделать. Правда. Просто закрыть уши. Но есть другая часть, которая не согласилась. Та, которая не хочет жить с человеком, который так легко делает из меня последнюю, кто знает правду о своей жизни.

– Но ведь... – Таня глотает слезы, – это же было до меня... до всего...

– Да, – киваю. – Но врать он продолжал и после. И вот это для меня хуже всего.

Дочь отводит взгляд.

– Я не знаю, на чью сторону вставать, – тихо говорит. – Вы оба правы и оба... как будто не правы. Для меня папа не только тот мужик с вахты. Для меня он тот, кто меня из бассейна вытаскивал, когда я там захлёбывалась. Кто меня на танцы меня возил и на экзамены.

Я слушаю и чувствую, как меня накрывает волной вины.

– И ты, – продолжает она, – тоже... ну... не стерва какая-то. Я вижу, что тебе правда больно. Но я... – она беспомощно разводит руками, – я не знаю, что мне теперь делать. С кем жить? Как к вам относиться?

– Тань, – я с усилием выпрямляюсь, вытираю ладонью её слезы и свои тоже. – Ты не обязана выбирать сторону. Это наши с папой проблемы. Наши отношения. Ты можешь любить его, злиться на меня, злиться на него, на нас обоих, как тебе будет угодно. Это нормально.

– А если ты его ненавидишь, – шепчет она, – я всё равно могу его любить?

Этот вопрос режет.

– Да, – отвечаю, не раздумывая. – Можешь. Должна, если хочешь. Он твой отец. И это... – глотаю ком, – это из-за развода не меняется.

Она всхлипывает.

– А ты... ты его ещё любишь? – смотрит прямо, будто боится и ждёт одновременно.

Я закрываю глаза на секунду. Перед ними всплывают все эти мелочи: его рука на моей талии, то как он все всегда решал по-мужски быстро и легко, его «Лар, да какой хочешь, такой и бери, мне только скажи сколько надо денег», его объятия и поцелуи, его смех когда Таня в детстве с макаронами на голове бегала...

– Люблю, – говорю. – И именно поэтому мне так больно.

Мы сидим, прижавшись друг к другу, и плачем вдвоём. Она – тихо, всхлипывая, я – сдавленно и больше в душе.

– Я не знаю, как мы будем дальше, – честно признаюсь. – Правда. Может, мы с папой... как-то найдём общий язык. Может, нет. Но одно я знаю точно, я тебя очень люблю и все

у нас будет хорошо. Это даже не обсуждается.

— А если я скажу, что хочу жить с ним? — вдруг спрашивает она.

Сердце проваливается в пятки, но я заставляю себя выдержать её взгляд.

— Тогда будем думать, как сделать так, чтобы тебе было максимально... удобно, — выдыхаю. — Может, со временем, ты сама поймёшь, где тебе комфортнее. Я не буду тебя от него натравливать, Таня.

— Это ты сейчас так говоришь, — бурчит. — А потом начнёшь ревновать меня, обижаться, что я с ним больше времени провожу или что познакомилась с его какой-то подружкой...

— Если начну, — говорю серьезно, — напomini мне вот этот разговор.

Мы ещё сидим какое-то время молча.

— Мам, — наконец подаёт голос Таня, уже ровнее. — Мы... мы справимся?

Вопрос, который я последние полчаса задаю самой себе.

— Мы постараемся, — отвечаю. — Я не обещаю, что будет легко. И что я не буду срываться. Но... — я сжимаю её руку, — ты у меня есть. Это главное.

Она кивает, глубоко вздыхает, вытирает глаза тыльной стороной ладони.

— Ладно, — говорит. — Тогда давай... не знаю... хотя бы поедим. А то у нас сейчас будет не только развод, но и го-

лодный обморок.

Я хрипло смеюсь.

– Идём, – говорю. – Развод разводом, а ужин никто не отменял.

Мы поднимаемся, и я внезапно чувствую, насколько сильно морально устала. Может я пожалею о сделанном, а может это самое правильное решение. Во всяком случае, я не потеряю к себе уважение и перестану терзать себя догадками и страхами. Уже хоть какой-то плюс...

БЫВШИЙ МУЖ. Вторая жена офицера

Виктория Вестич

– Я жена майора Демидова, он у вас с ранением тут в хирургии лежит. Вот паспорт и свидетельство о браке.

Передаю документы и нервно улыбаюсь.

Сержант опускает взгляд в журнал посещений и хмурится.

– Жена? Еще одна что ли? – ухмыляется он. – К майору Демидову уже приехала жена минут десять назад... она сейчас как раз у него в палате.

Мы смотрим друг на друга. Я – растерянно, а сержант с интересом.

– То есть как... это наверное однофамилец? Или просто ошибка... у него одна жена – я.

– Майор Демидов в хирургии у нас один, гражданочка, так что никакой ошибки быть не может.

Я ехала к раненому мужу в госпиталь за тысячи километров, сходя с ума от тревоги, а оказалось, что он уже успел найти себе развлечение – любовницу, которую представил всем как свою жену.

Очень

эмоционально и больно

 ХЭ, но с кем?)

<https://litnet.com/shrt/-5dx>

Сергей

Дверь хлопает так, что, кажется, весь подъезд вздрагивает.

Хоть что-то делаю ровно так, как чувствую.

Торопливо спускаюсь по лестнице быстро, сумка режет плечо, в голове гул. От злости. На неё. На себя. На всех этих баб, которым обязательно надо сунуть нос туда, где и так полжизни всё на соплях держится.

На улице липкий тёплый вечер. Во дворе жёлтые фонари только включаются, комары вокруг них уже водят хороводы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.